

— Они расследуют дело, а ты к нему не имеешь отношения, — Чэнь Сюлянь посмотрела на небо, где облака казались пропитанными чернилами, а выжимаемый из них дождь был мутным. — У них нет времени копаться в мелочах. Отвечай на вопросы прямо. Твой сын дома? Мне нужно отнести еду.

* * *

Янь Цзюньсюнь выключил свет и плотно задернул шторы. Он лёг в постель, закрыл глаза и попытался уснуть. В ушах звучал шум, похожий на погружение в глубины океана. Этот звук помогал ему заснуть, так же как Хо Цинцзюню был нужен шум дождя.

Янь Цзюньсюнь любил находиться в замкнутом, тёмном мире без посторонних звуков. Это помогало ему быстрее мыслить. Маленькую доску в голове он мысленно отодвинул в угол. Он старался расслабить тело и даже натянул одеяло повыше.

Но когда человек закрывает глаза, в голове всё равно возникают образы, и их не остановить.

Янь Цзюньсюнь смотрел из окна комнаты Лю Синьчэна, но ничего не видел. Его взгляд постоянно натывался на те фотографии, и это вызывало у него дискомфорт. Он не хотел продолжать и пытался сменить образ, но лицо Лю Синьчэна внезапно возникло перед ним.

Был анимированный фрагмент с записью данных Лю Синьчэна: он поворачивался, безразлично глядя в камеру системы.

Чёрт.

Граффити в подъезде Лю Синьчэна увеличивалось, и красное слово «чёрт» покрывало его лицо. Он смотрел на Янь Цзюньсюня, как на убийцу.

Янь Цзюньсюнь начал нервничать. Он перевернулся на бок, полностью уткнувшись в мягкое одеяло.

«Не смотри на меня», — подумал Янь Цзюньсюнь. — «Я ведь не делал этого».

Лю Синьчэн застыл в кадре, как пример из презентации, и без эмоций скользнул в сторону. Ли Цзяньхуа не появился следом, и Янь Цзюньсюнь вспомнил его аквариум. Свет в аквариуме мигал, и Янь Цзюньсюнь отчётливо помнил узоры на нём, включая ритм, с которым Ши Шаньянь постукивал по стеклу.

Рыбы с ярко-красными хвостами плавали за стеклом. Свет мигал не быстро, но Янь Цзюньсюню это не нравилось, это вызывало у него ассоциации. Убийца, разрезав Ли Цзяньхуа, должна была убрать остатки. Она не могла смыть куски мяса, ей пришлось собирать их в тазы, и когда она наливала воду, куски мяса шевелились, как рыбы, а раны зияли, окрашивая поверхность воды в красный.

Ли Цзяньхуа умер месяц назад, но рыбы всё ещё были живы.

Янь Цзюньсюнь не хотел слушать, но всё равно слышал звук мела, пишущего на доске.

Убийца помнила этих рыб, она не раз возвращалась в дом Ли Цзяньхуа. Когда она была там в последний раз? Она не могла прийти в выходные, это было бы слишком заметно, ведь рядом жили соседи. Она должна была выбрать момент, когда никто не обратит внимания, не использовать машину, так как это потребовало бы повторного въезда в подземный паркинг, а

её ID-номер нельзя было использовать дважды — это было бы слишком подозрительно. Она должна была найти другой способ.

Янь Цзюньсюнь думал об аквариуме и о том, как он и Ши Шаньянь выходили из дома Ли Цзяньхуа.

Ши Шаньянь стоял в лифте и махал рукой соседям, а Янь Цзюньсюнь не смотрел на них. Он лишь мельком заметил горный велосипед у двери Ли Цзяньхуа и старые, но чистые кроссовки.

Это точно не принадлежало Ли Цзяньхуа, это было чьё-то другое — возможно, убийцы.

Она приехала на машине, чтобы забрать Ли Цзяньхуа, но понимала, что машину нельзя использовать дважды, так как это потребовало бы повторной записи в подземном паркинге и вызвало бы подозрения у знакомых с расписанием «Пунктуальной уборки» сотрудников. Позже она использовала велосипед, чтобы попасть в микрорайон Пули без проверки на въезде.

Она выбрала велосипед, значит, её рабочее место было неподалёку. Она не могла прийти в выходные, только в перерывах на работе. Но она боялась забирать велосипед домой, так как он был куплен ею, и это могло вызвать страх, ведь за каждую потраченную копейку её били. Она привыкла действовать скрытно, так же как не могла смотреть на процесс насилия.

Звук мела на доске стал громче, заставляя Янь Цзюньсюня дышать чаще. Он хотел встать и выкурить сигарету. Если бы кто-то мог увидеть его доску, то удивился бы, насколько она беспорядочна. Линии на ней были хаотичны, как нитки, изорванные котом, и не было видно ни начала, ни конца.

У неё была привычка возвращаться к домам жертв, она нуждалась в повторении воспоминаний, чтобы убедить себя, что жертва действительно мертва. Она повторяла преступления, потому что её боль не прекращалась. Это было ужасно, она, как одержимая, ходила вокруг домов жертв, наблюдая.

Янь Цзюньсюнь резко сел, выдернув наушники из ушей. Он был весь в поту, хотя в комнате было не жарко. Просто он был таким.

— Позвони Цзян Ляню, — хриплым голосом крикнул он Панде. — Спроси его...

Янь Цзюньсюнь тут же вспомнил, что его коммуникатор выключен, и единственный способ связи находится у Ши Шаньяня, которого он сам выпроводил.

Янь Цзюньсюнь сбросил одеяло:

— Разбуди Маленького оранжевого дракона!

* * *

Чэнь Сюлянь завела машину, и фары зажглись в темноте. Она была очень пунктуальна и всегда следила за временем.

Невестка Ян Юй выбежала к машине и сказала:

— Спасибо, сестра Сюлянь!

— У неё большие бёдра, родит сына, — Хэ Чжиго продолжал бормотать на ухо Чэнь Сюлянь. — А ты не сможешь, только родишь ненужную девчонку.

— Не за что, — Чэнь Сюлянь смотрела на невестку Ян Юй. Девушка, только что родившая, была худой, без макияжа, и даже одежда на плечах была взята у свекрови.

«Как хорошо», — подумала Чэнь Сюлянь.

Её саму били через несколько дней после родов, а Циньцинь она принесла домой сама. Хэ Чжиги хотел отдать её, но она не согласилась. У неё был только один ребёнок, как луна на небе, которого она держала в объятиях, кормя своим иссохшим телом. Циньцинь была послушной, все девочки такие, с хвостиками, пели ей песни.

Циньцинь говорила: «Мама, не плачь».

— Вот счастливец, мать работает на улице, а он дома сидит, как барин, и молодая красивая жена его обслуживает. — Хэ Чжиги чмокал губами, он любил это делать после выпивки. — Жена такая красивая, я бы даже не ударил её. Кто знает, как этот ублюдок её заполучил? Может, как я, сначала сделал, а потом сказал.

Хэ Чжиги смеялся в ухо Чэнь Сюлянь. У него был плохой голос, и от смеха он становился хриплым, так же как и от плача. Иногда Чэнь Сюлянь не могла понять, смеялся он или плакал, лёжа в подвале.

— Там, у дамбы, далеко, а он говорит, что договорился с каким-то другом из интернета...

Время тикало.

Чэнь Сюлянь была рада, электронные часы шли точно. Бензин был залит, подвал убран. Она знала, где сын Ян Юй, он любил играть в игры, хотел хорошей работы. Чэнь Сюлянь всё это знала, она слишком хорошо понимала мысли этих тварей.

Нет, Чэнь Сюлянь исправила себя. Она слишком хорошо понимала мысли Хэ Чжиги.

— Не беспокойтесь, я знаю это место, смогу его найти, — Чэнь Сюлянь повернулась и, глядя вперёд, повторила невестке Ян Юй:

— Не за что.

Янь Цзюньсюнь открыл дверь машины. Маленький оранжевый дракон всё ещё находился в режиме восстановления и не показывал своего лица. На крыше машины загорелся красный свет, и он переключился на милый голос:

— Добрый вечер, господин Янь, автомобильная система к вашим услугам. Мы можем насладиться ночной поездкой...

Янь Цзюньсюнь отключил автопилот Маленького оранжевого дракона и спросил:

— Ши Шаньянь живёт в общежитии Инспекционного бюро?

— Господин Ши — особый случай, — ответил Маленький оранжевый дракон с задержкой. — Он живёт в Изоляторе Инспекционного бюро.

Янь Цзюньсюнь знал это место. До войны это была психиатрическая больница в Зоне Тинбо.

— Включи навигацию, — Янь Цзюньсюнь повернул руль. — Самый быстрый маршрут.

* * *

Зона Тинбо сейчас была перевалочным пунктом для крупных транспортных судов. Все поставки для фронта Альянса во время войны проходили через неё, и светорельсы играли огромную роль. Изолятор Инспекционного бюро был создан тогда как место для размещения военных. После войны военные чиновники покинули Зону Тинбо, и Изолятор опустел, но Инспекционное бюро так и не провело его реконструкцию.

<http://bllate.org/book/16220/1456835>